

СЕРАФИМА СИДОРОВА В БЕДЕ

Лавочка была подходящая. Сколоченная не из редких плашек, а плотно уложенных струганых досочек. И главное — длинная. Серафима улеглась на ней во весь рост и с наслаждением вытянула ноги, натруженные праздным шатанием по городу в ожидании, когда люди наконец угомянутся и можно будет найти укромный уголок для ночлега.

Облюбованная ею лавка стояла не так уж далеко от тропинки, но со всех сторон ее обступали густые, разросшиеся к середине лета кусты, поэтому лежащего человека видно не было.

И как ее до сих пор бомжи не обжили? Хорошая лавка. Удобная.

Впрочем, бомжей, даже если кто из них и заявит претендовать на ночлег, она не боялась. Полиция — дело другое. Легко можно угодить в обезьянник, только попадись. Хотя в ее положении сошел бы и обезьянник. Уж всяко теплее, чем в парке. В Питере ночи холодные.

Рюкзак она положила под голову и стала уже задремывать, но кто-то в ее голове вдруг стал настойчиво советовать одеться потеплее. Своей голове Серафима верила, как никому. Если бы не она, лежать бы ей давно в могиле! Пересилив себя, Серафима выудила из рюкзака ветровку и свитер, старательно утеплилась и снова вытянулась на лавке. Надо же, и ноги не свисают.

Ночевать на лавках за последние десять дней ей все же приходилось нечасто: так, раза три, поэтому на то, что заснет скоро, она не надеялась.

Что ж, пускай. Будет время обдумать диспозицию.

Она сложила руки на груди и приготовилась к долгим раздумьям.

Ну, с чего начнем?

Где-то далеко заиграла музыка. Таковую всегда заказывают в ресторанах ближе к полуночи. Люди уже наелись и напились, поэтому дрыгаться ни у кого нету сил. Вот и включают медляк, чтобы можно было качаться на танцполе, держась друг за друга.

Музыка была приятная. Серафима заслушалась и незаметно для себя заснула.

Странно, но ни отчим с пудовыми кулаками, ни Денис с гадкой ухмылкой ей не снились.

Наверное, голова решила, что хозяйке пора отдохнуть.

Она спокойно спала почти до утра.

А проснуться выпало по-звериному.

Через кусты к ее лавочке кто-то пробирался. Осторожно, таясь и стараясь не шуметь.

Серафима замерла, прислушиваясь, а затем резко вскочила и повернулась к непрошеному гостю. Ну давай, сволочь!

В редееющем утреннем полумраке на нее смотрела большая собака. Серафима в породах разбиралась не очень, но лабрадора узнала легко — часто видела в кино. Там такие у богатых хозяев живут. Эта что, потерялась?

Серафима пригляделась, но ошейника не увидела. Наверное, помесь. Папаша благородных кровей, а мамка — дворняжка, вот собака и божжует по паркам.

Пока она размышляла о судьбе собаки, та, не торопясь, вышла из кустов, подошла и уселась возле скамьи.

Людей не боится. Не рычит. Не скалится. Красивая. Цвета кофе с молоком. Или шоколада молочного. И на вид ухоженная.

— Ты откуда взялась, псина?

Псина повернула голову и посмотрела Серафиме прямо в сердце.

— Потерялась? Или бросили?

Собака вздохнула и потянула носом в ее сторону.

— Ты вроде меня, что ли? И дом есть, и родные вроде тоже, а приходится по кустам шариться.

Собака слушала, наклонив голову, а потом подошла и прижалась к ноге теплым боком.

— Ишь ты...

Серафима почесала собаку за ухом, погладила мягкую шерсть. Пес точно домашний. Бродячие воняют, а этого недавно мыли с шампунем.

— Не похожа ты на бездомную.

Собака глянула снизу вверх, словно спросила: «А ты похожа?»

Серафима хмыкнула. Если пока и не похожа, то это ненадолго. Еще пару ночей в парке, и можно будет смело записываться в бомжихи.

Если только она не придумает, как выбраться из этого тушика.

Серафима сделала пару кругов вокруг скамейки, разминая ноги. Собака немного походила за ней, потом сунула нос в кусты и выволокла оттуда что-то, цепляющееся за ветки.

— Чего ты там тянешь? Фу! Брось! Пададь какая-нибудь! Собака ты противная!

Не слушая вопли, собака притащила к ее ногам какой-то обрывок.

Серафима нагнулась и посмотрела внимательнее. Потом подняла порванный ошейник и прочла надпись, накарябанную на металлической пластинке:

— Фридрих Барбаросса. Это ты, что ли?

Она с сомнением посмотрела на собаку.

— За что же, честного пса назвали таким именем? Кто хоть он такой, этот Барбоса?

Собака сделала скучную морду.

— Во всяком случае, ясно, что ты мальчик. Буду звать тебя Барбосом. Согласен?

Пес подумал и гавкнул.

— Ну, значит, так, Барбос. Пошли искать пропитание. Только сначала сбегая в кусты пописать. Посторожишь?

Серафима огляделась и, не обнаружив свидетелей, полезла в кусты.

Барбос тоже посмотрел по сторонам и улегся неподалеку. Стеречь.

В деревне, где она родилась, у всех была одна фамилия — Сидоровы. Отличиться можно было только именем. Мать с отцом долго думали, как назвать девочку. Все хорошие имена были разобраны. Татьяны, Светланы и Ольги встречались на каждом шагу, были Ксении, Оксаны и Катерины с Настасьями. Случались экзотические, вроде Лады или Миланы. Анжелой называть не хотел отец — ему казалось, что имя «какое-то проститутское», а Людмилу не жаловала мать. В детстве ее заставляли пасти корову Людку, а та была бодучей и вредной.

Как они сошлись на Серафиме, одному Богу известно, наверное, от отчаяния, но зато такое имя было только у нее. Редкое, зато красивое.

Когда она окончила третий класс, семья переехала поближе к Петербургу, практически в пригород. Там, в новой большой школе, девочка узнала, что она деревенская дебилка и звать ее теперь будут Сидорова коза. До скончания веков.

Так и повелось. Сначала Сима отчаянно дралась с каждым, кто ее обзывал, но довольно бы-

стро поняла бесперспективность своих порывов. Их было много, а она одна-одинешенька. Тогда девчонка нашла другой путь: стала придумывать злые прозвища в ответ. Видимо, получалось у нее неплохо — число желающих поквитаться с ней за «обзывалки» резко выросло. Длилось это все шесть лет до окончания девятого класса с переменным успехом. Сима росла девочкой крепкой, и не каждый одноклассник мог выйти против нее один на один. Наваливаться кучей злыдни тоже не решались. Сидоровский папаша работал в местном отделении полиции и за дочку с легкостью повырывал бы пацанам руки-ноги. Так что стычки были мелкими, зато регулярными.

Так она и просидела в окопе до самого выпускного. В десятый класс не пошла. Хватит, настрада-лась! Подала документы в колледж на флориста. А что? С цветами и вообще с зеленухой разной возиться умела, любила составлять букеты и всякое такое.

А еще, как говорила мамка, была «нюхачкой». Точнее сказать родительница не могла, но в переводе это значило, что Симка с ходу могла определить, какому цветку принадлежит запах. С этими запахами вообще была беда! Еще ребенком, чуть что не так пахнет, начинала фукать и нос воротить. Мать сначала злилась, что девчонка растет такой привередой, а потом смекнула, как редкую особенность можно использовать в мирных целях, и стала звать дочь, когда надо было выяснить, не

прокисло ли молоко и свежее ли мясо привезли на продажу местные фермеры. Разузнав, в чем дело, за помощью стали приходиться соседи. То колбасу понюхать, то пластмассовую игрушку (не от нее ли у ребенка началась аллергия).

Во время учебы Симкин талант развился. Не то чтобы расцвел, а все же пригодился. Составляя букеты, она подбирала цветы по аромату. Ну, чтобы, дополняя друг друга, запахи усиливали общее благоухание, так она объясняла. Результатом стал бонус от колледжа: директор рекомендовала Серафиму в лучший цветочный магазин района. Туда, правда, девочку не взяли — рабочие места оказались заняты родственниками хозяйки, — но было приятно.

На работу по специальности она все же устроилась. Пробилась, так сказать. Недаром мать с детства считала ее «профурсеткой», подразумевая способность добиваться своего и не подозревая об истинном значении этого слова.

Не то чтобы Серафима росла нагловатой, хотя грубоватость, конечно, присутствовала. Доминирующей чертой характера девочки было упрямство, переходящее в зашкаливающую упертость. Никому из окружающих ее характер не нравился, однако сама Серафима была им вполне довольна, ведь из всех выпускниц устроиться там, где мечталось, удалось лишь ей.

Магазин был маленький и располагался на окраине районного центра, зато Сима была един-

ственной флористкой, следовательно, никакой конкуренции, и никто не мешал ей составлять букеты по своему вкусу. Имелась еще сменщица, но та букетов не крутила, продавала те, что делала Серафима, и на жизнь не жаловалась. Ее композиции раскупались хорошо, хозяйка была довольна и даже стала выплачивать небольшие премиальные с доходов.

Серафима искренне считала, что шикарно зарабатывает, щедро делилась с родными и чувствовала себя крутым профессионалом.

И все было отлично, пока не заболел отец. Тут-то и выяснилось, что зарабатывает Серафима сущие гроши, которых не хватит не то чтобы вылечить человека, но даже облегчить ему боль.

Когда отец, так и не дождавшись бесплатной операции, умер, Сима с матерью поняли, что безнадежно обнищали.

Поскольку более денежная работа Симке не светила, мать, помаявшись, согласилась выйти замуж за соседа, давно бедовавшего в одиночку после смерти жены. Поговаривали, что сосед тяжел на руку и скор на расправу, но другого варианта все равно не предвиделось.

Серафима согласилась с решением матери: не из-за себя, из-за нее. При отце та никогда не работала, занималась хозяйством, поэтому казалось, что замужем ей всяко будет лучше.

Ни одна из их надежд не оправдалась. Сосед оказался настоящим садистом. Руки распускал по

любому поводу и даже без него. Мать, не привыкшая к такому обращению, поначалу сопротивлялась, но получалось только хуже. Главное, Сима не могла ее защитить. После свадьбы она съехала из родительского дома, сняв комнату недалеко от работы.

Конечно, она видела: что-то не так, и пыталась добиться от матери правды, но та только головой мотала да прятала под одеждой синяки.

Допряталась! Однажды ее увезли в больницу с внутренним кровотечением, из которой она уже не вернулась. Позже Серафима узнала, что врачи уговаривали ее написать на мужа заявление в полицию, но она отказалась. Из-за дочери. Боялась, что зверюга на девчонке отыграется.

Так и померла.

Выписку из истории болезни Серафима не видела: отчим забрал. Похоронив мать, она совсем перестала приходить в дом, где обитал новоявленный хозяин, и была очень удивлена, когда тот стал захаживать к ней сам. Сначала плакался на свою несчастную жизнь и убивался по жене, а потом предложил Симе вернуться в отчий дом и жить там на правах дочери.

Серафима восприняла предложение в штыки. Не нравился ей этот мужик, и все тут! Но после смерти отца оставались долги, которые приходилось выплачивать в одиночку, снимать комнату все же было довольно накладно, поэтому через полгода уговоров она, скрепя сердце, переехала к отчиму.

Началось все не сразу. Сначала он просто потребовал, чтобы все заработанные деньги она отдавала в общий котел. Потом стал подозревать, что кое-какие средства она от него утаивает, и закатывать скандалы. Ну а на третьем этапе взялся за привычное: стал ее колотить.

Серафима, конечно, не мать. Она отбивалась ожесточенно, но совладать со здоровым откормленным бугаем ей было не под силу. Она только раззадоривала его и получала втрое больше. Через полгода такой жизни Серафима стала сдавать. Со всей очевидностью перед ней предстало ее будущее: быть забитой до смерти. Денег, чтобы сбежать, у нее не было. Гад теперь просто отбирал все до копейки.

Дело казалось безнадежным.

И тут появился Денис.

Он увидел ее, заглянув в цветочный магазин за букетом для мамы. Серафима, старательно пряча от симпатяги покупателя огромную синячину на скуле, собрала прекрасную композицию. Возвращаясь с дня рождения, молодой человек зашел сказать, что мама осталась довольна. Серафима от похвалы забылась и улыбнулась, откинув волосы. След от кулака предстал перед покупателем во всей красе. Парень сделал вид, что ничего не заметил, и поинтересовался, когда закрывается магазин. «Через двадцать минут», — ответила она.

Так Серафима сначала оказалась в кафе за чашкой кофе, потом за бокалом шампанского, после

которого рассиропилась и рассказала случайному знакомому свою историю.

Парень — оказалось, что работает он помощником нотариуса в частной конторе — жалеть ее не стал, а неожиданно спросил, кому после смерти матери достался дом. Серафима поморгала и ответила, что не знает. Денис кивнул, словно именно этого ответа и ожидал. Завтра он все узнает и расскажет ей. Серафима про «узнает» ничего не поняла, а про «расскажет» подумала, что это похоже на приглашение на свидание.

На следующий день Денис действительно явился к закрытию цветочного магазина, привел ее в другое кафе — лучше прежнего — и показал документы, по которым выходило, что завещания родители не оставили, но Серафима и без него получила дом в свое полное распоряжение. Осталось только оформить недвижимость на себя.

— И что мне с того? — спросила Сима, подозревая, что с недвижимостью или без одной с отчимом ей не справиться.

— А то, что этот подонок к дому никакого отношения не имеет.

— Так он свой продал, ему больше жить негде.

— Это его проблемы. Не захочет добром, мы выселим его через суд.

Серафима опять услышала только «мы». Этого ей было достаточно.

Денис оказался человеком деловым. Не прошло и месяца, как отчим освободил жилье, причем по доброй воле.

— Он собирался и тебя в могилу свести вслед за матерью. Тогда дом достался бы ему, и никто не стал бы разбираться, имеет он на него право или нет.

Серафима подивилась такой подлости и впервые за много лет почувствовала себя защищенной.

Постепенно, гораздо медленнее, чем хотелось Серафиме, у них с Денисом стало вырисовываться что-то похожее на взаимную симпатию. Ей казалось, что парень приглядывается, пытаясь определить, к какого рода отношениям она готова. Во всяком случае, именно так она квалифицировала его задумчивый взгляд, который ловила на себе не раз и не два. Серафима, которой Денис нравился уже однозначно, решила, что надо откровеннее продемонстрировать свое желание завести серьезный роман. Под серьезом понималось совместное времяпрепровождение вплоть до проживания. Очевидно, Денис понял ее сигналы правильно: через пару месяцев предложил съехаться и попробовать пожить вместе. Серафима, затрепетав от счастья, что наконец обретет в жизни стабильность и уверенность в завтрашнем дне, вручила ему ключи от своего дома.

В тот же день Денис переехал и очень быстро обжился. Серафима была рада, потому что видела в этом залог счастливой семейной жизни. Вот

только принимать на себя хозяйственные заботы Денис не торопился. Серафима решила, что надо набраться терпения. Ему же нужно разобраться, как и что делается в частном доме. Кроме того, он много работал, возвращался довольно поздно, валялся на диван и засыпал под бормотание телевизора. В общем, оказалось, что появление в доме мужчины мало что изменило. Серафима, как и раньше, справлялась со всем одна.

Но не привыкшая унывать и печалиться, она была рада уже и тому, что не одинока. У нее есть мужчина. Он умен, хорош собой и любит ее. Что касается всего остального, то, если честно, справляется же она! И вообще, главное, чтобы была любовь! А она была! Денис приносил ей сладости, покупал приятные подарочки, обожал делать сюрпризы. Однажды принес музыкальную шкатулку. Серафима, никогда не видевшая ничего подобного, впечатлилась до невозможности. У крошечной танцовщицы, которая крутилась на подставочке внутри шкатулки, были рыжие волосы и очень длинные ноги.

— На тебя похожа, — шепнул Денис ей в ухо, и Серафима почувствовала себя принцессой на горошине, которую наконец-то сняли с неудобного тюфяка.

Все было прекрасно.

Вот только однажды все прекрасное закончилось, а все плохое началось. И, как водится, буднично и незаметно.

Денис заговорил о ремонте. И не просто так, а по-хозяйски.

— Ну чего мы живем, как в семидесятых? Обои-чки какие-то цветастые, потолок известкой вымазан, пол линолеумный. Смотри, вытерся совсем. У холодильника вообще дыра. У всех давно потолки натяжные, на полу — ламинат. Дверь надо металлическую, а то мало ли...

Он гоголем прошелся по дому, осматривая все закутки. Серафима воспрянула духом. Вот оно, женское счастье, рядом совсем! Раз заговорил о ремонте, значит, думает обосноваться навеки.

С замирающим сердцем Серафима стала ходить за ним, поддакивать и подсказывать. Ремонт предстоял обширный и глубокий.

Денис объявил, что займется всем сам. Через некоторое время он нашел фирму, которая выполнит все работы под ключ, и попросил у Серафимы денег для небольшого аванса ремонтникам. Она дала. Недавно как раз была зарплата, поэтому, слава богу, было что.

Еще через три дня Денис, потирая руки, сообщил, что все на мази, только для ведения переговоров ему нужна доверенность на право представлять ее интересы во всех инстанциях. В каких именно, он не уточнил, но Серафима особо и не расспрашивала. Конечно, дом принадлежит ей, во всех бумагах фигурирует ее имя, а Денис пока еще не муж, без доверенности с ним никто дела вести не будет. Все было предельно логично, и Серафима дове-

ренность подписала. Хорошо, что Денис лично ее составил и даже заверил, чтобы какой-нибудь пройдошистый нотариус не обманул доверчивую девушку.

Все шло отлично, и Серафима уже подумывала присмотреть себе свадебное платье. Ей хотелось не белое, а нежно-зеленое, к волосам. И обязательно прозрачное от середины бедра, чтобы были видны ноги. Она даже успела примерить пару туфель в магазине неподалеку от цветочного. Каблук не должен быть огромным, чтобы не смущать Дениса. Он невысок, а ведь нехорошо, когда невеста возвышается над женихом, как Эйфелева башня над Парижем.

Что ее по-настоящему радовало, так это возможность сэкономить на свадебном букете. Его она сделает сама и запишет на слом. Ну или выплатит со следующей зарплаты.

Через два дня Денис с сожалением сказал, что уезжает в командировку на пару дней. Ехать ему не хотелось, но отказаться никакой возможности не было. Серафима его пожалела, нажарила блинов и яиц вкрутую сварила, заварила чай в термосе и помахала любимому ручкой из окошка.

Утром она как ни в чем не бывало отправилась на работу, а когда вернулась, увидела возле дома машину. Дюжие ребята вытаскивали из нее мебель, какие-то ящики и заносили в дом. Серафима даже не удивилась поначалу. Точнее, удивилась, но радостно. Наверное, Денис заказал все новое, просто

предупредить забыл. С улыбкой на лице она пошла к машине, и тут из дома вышла маленькая толстая женщина в кожаных брюках и черной косухе. Она мазнула по Серафиме взглядом и крикнула:

— Быстрее несите! Игорек, времени нет.

Серафима двинулась навстречу с мыслью представиться, но тут невидимый Игорек ответил требовательной даме:

— Хозяйка, мебели у вас тяжелой много. Ребята спины надорвали. Добавить бы надо.

— Мы же договорились! — возмутилась кожаная дама, по-прежнему не обращая на Серафиму никакого внимания.

— А за срочный переезд? С утра без отдыха вещишки ваши таскаем.

— Да чего ты врешь! С утра! Я только в три часа договор купли-продажи подписала!

— Ну так тем более, дамочка! За срочность!

Как ни наивна была Серафима, значение слов «договор купли-продажи» знала и замерла на полпути к сердитой даме. В ее голове с космической скоростью прокрутились события последних недель: ремонт, фирма, аванс, доверенность, командировка. Где-то в самой глубине девичьего сердца теплилась надежда — кто-то где-то что-то перепутал. Но суровый голос разума сказал: свершилось худшее, что только может быть в жизни, — она лишилась дома.

Последующие события просто выпали из памяти. Потом она никак не могла вспомнить, как очу-

тилаась на улице без вещей и без гроша. Как только пыталась воспроизвести в памяти хоть что-то, перед глазами вставал рот в малиновой помаде, налитые кровью глаза и боль от вывернутых рук, когда дюжие молодцы тащили ее к калитке.

Но самое мерзкое ждало ее наутро, когда она, пройдив в поисках ночлега всю ночь, ничего не нашла и решила вернуться хотя бы за теплыми вещами. Ну, пусть они отобрали дом — вещи-то должны отдать! Хотя бы носильные.

И тут она увидела Дениса, выходящего на улицу. Он остановился на крыльце, потянулся сытым телом и, оглядевшись, довольно крикнул. Тут же из дома выскочила давешняя мадам.

— Денечка, котик, забыл телефончик, как же ты будешь звонить мамочке! — речитативом пропела она и прилипла к нему.

Денис снисходительно хлопнул ее по заду, дама взвизгнула, и они слились в смачном поцелуе.

Серафиму чуть не вырвало.

Она просто повернулась и ушла восвояси. Конечно, кровь бурлила, в голову ударяла, но что толку? Она сама во всем виновата. Рассиропилась перед первым встречным, поверила, что ее можно полюбить, доверилась.

Получила, можно сказать, по заслугам.

Следующие десять дней были сущим кошмаром. Днем еще туда-сюда — работа хоть как-то спасала, если покупателей не было или в обеденный перерыв удавалось поспать в закутке, куда сва-

ливали пустые коробки из-под цветов. На коробках, кстати, спалось неплохо, лучше, чем на лавках в парке. Хорошо еще, что сменщица была в отпуске, и Серафима ишачила за двоих. Некому пожаловаться и помощи попросить, но зато никто не лез в душу с бесполезными соболезнованиями. Было бы здорово, если бы удалось остаться в магазине на ночь, но помещение ставили на охрану дистанционно: в семь просто включалась сигнализация, и все. Серафима пробовала позвонить в охранную фирму, но услышала только безжизненный голос автоответчика. Не рассказывать же ему о своем отчаянном положении! Без денег, без путевой одежды она скиталась повсюду, где можно было перекантоваться, находя ночлег в самых неожиданных местах, иногда довольно спокойный, но чаще стремный, когда всю ночь не удавалось смежить веки от страха.

И вот теперь ей в утешение и на подмогу прислали эту собаку. Ну что, уже неплохо. Значит, надежда не потеряна.

Серафима выбралась из кустов, оглядела себя, проверяя, прилично ли выглядит, а то еще в ментовку загребут, и махнула рукой.

— Пошли, что ли, друг Барбос.

Барбос кивнул и потрусил рядом.

Это было довольно странно, но с появлением собаки жизнь в самом деле стала понемногу налаживаться. Сменщица неожиданно вернулась из отпуска на неделю раньше и, узнав о Серафими-

ной беде, сразу присоветовала, где найти недорогое жилье, да еще дала денег на первое время. Девчонка она была жалостливая, поэтому принесла немного вещей на первое время, а то и трусов было не на что купить.

По ее деньгам жилье оказалось в самый раз: комната чуть больше платяного шкафа и от работы очень далеко, но зато там можно было держать собаку, а для Серафимы это стало самое главное. Барбоса она теперь считала своим талисманом и ни за что от него не отказалась бы. Пес устроился в крошечном коридорчике и заодно выполнял работу секьюрити: если кто близко подходил к двери, негромко, но угрожающе рычал. Голосок у него был тигру на зависть, поэтому посторонние Серафиму не беспокоили, и она наконец смогла выспаться.

Потом подоспела зарплата, а с ней и небольшая премия по итогам первого полугодия. Серафима первым делом купила Барбосу ошейник, а себе новые кроссовки. Старые в скитаниях по чепыжам совсем истрепались, а ошейник означал, что никто и никогда не отнимет у нее собаку.

Серафима теперь Барбосу хозяйка и друг.

Так прошел год.

Она уже знала, что Денис со товарищи промышляли черным риелторством, в ее магазин он зашел не случайно, а по наводке, все случившееся между ними стало частью плана, и мадам в коже была его любовницей.

ЕЛЕНА ДОРОШ

Нет, она не собиралась бороться за дом, хорошо понимая, что подписанная ею генеральная доверенность на продажу перечеркнула всякую возможность вернуть свое имущество.

Конечно, каждую ночь она кляла себя за глупость, понимая, что ничего исправить уже не сможет, вернее, у нее не хватит для этого средств. Оставалось лишь извлечь пользу из горького опыта и жить дальше.

Серафима так и поступила.

СТРАННЫЙ ДЯДЬКА ВЕРСТОВСКИЙ

Прямо перед собой Верстовский увидел широкую крестьянскую спину с болтавшейся посредине короткой толстой косой ослепительно-рыжего цвета. Видимо, почувствовав его взгляд, она подергалась туда-сюда и переступила ногами. Ноги, кстати, были хороши, но остальное, вкуче с дурацким цветастым сарафаном, напоминало картины Абрама Архипова, который любил рисовать румяных крестьянок. От скуки Верстовский попробовал представить, как выглядит личико этой Гульчатой, и она вдруг обернулась, мазнув по нему рассеянным взглядом. Фейс пейзажки оказался точно таким, как он представлял: матрешка матрешкой. Круглые глупые глаза, нос пуговкой и веснушки по всей физиономии. Неожиданно для себя Верстовский громко хмыкнул. Девушка снова обернулась. Он торопливо схватил плошку с каким-то сложным салатом и стал нюхать.

— Не берите, дяденька, — вдруг услышал он над самым ухом.

Матрешистая девица смотрела на него с высоты своего гренадерского роста.

— Почему? Пахнет вкусно.

— Это потому что добавили орегано и тимьян.

— И что?

— Да кто добавляет душицу в салат! — фыркнула девица. — Только если хочет скрыть, что ветчина просроченная.

— А ты повар? — с интересом глядя, как раздулся от негодования короткий нос на веснушчатом лице, спросил Верстовский.

— Нет. Не повар. Просто чувствую: запах у ветчины неправильный.

Ему вдруг стало любопытно.

— Да как же ты чувствуешь, если его специями забили?

— Ну и что! — дернула плечом девица. — Все равно воняет на всю Ивановскую.

Верстовский понюхал салат. Весьма аппетитно. Он взглянул на девицу. Та уже отошла со своим подносом к кассе. Он схватил со стойки блюдо с нарезанными помидорами, кусок пиццы, компот и рванул за ней. Надо было встать как можно ближе и понюхать.

«Да чего тут нюхать! — одернул он себя. — И так понятно: пахнет от нее вчерашними щами и дешевым дезодорантом».

Он злился и не мог понять причины. Может быть, колхозного вида нимфа бесила его тем, что почуяла эту несчастную просроченную ветчину, а

он нет? По идее, такими носами, как у нее, нельзя уловить даже запах пота от сиволапого мужика в трамвае. Он вспомнил Джерома с его «Трое в лодке, не считая собаки». Девушка вполне могла сыграть горничную, которая, понюхав вонючий французский сыр, выселившийся из квартиры всех домочадцев, заявила, что чувствует слабый запах фиалок.

Он постарался встать как можно ближе к длинноногой спине и принюхался. Странно, но от нее не пахло ни борщом, ни потом, ни даже дешевыми духами. Лишь шампунем, сложным цветочным ароматом и почему-то землей. Точно, что ли, колхозница?

Поглощая свой обед, Верстовский все поглядывал на девушку, пока та не насторожилась и не сделала неприступный вид.

Надо быть осторожнее, а то, чего доброго, полицию вызовет. Ему вдруг снова стало смешно. Такие полицию не вызывают — подходят и с размаху звездят в глаз. Вон кулачищи какие!

Девушка заметила его смешок и встревожилась еще больше. Еще маньяком его сочтет!

Дядька, сидевший чуть наискосок, раздражал Серафиму. Ну и что такого она ему сказала, когда посоветовала не брать этот дурацкий салат? Теперь пялится, словно чудо-юдо увидел! Подумаешь, диво дивное! А может, он маньяк? Хотя маньяк, наверное, так открыто рассматривать намеченную жертву не стал бы. Или все наоборот, именно

так маньяки и поступают? Жертва начинает нервничать и совершает ошибки. Тут-то ее, испуганную, потерявшую всякий разум, и настигают! Не на ту попал, дядька! Она не будет ждать, пока ее слопают! Вот сейчас доест макароны, подойдет и прямо спросит, чего ему надо!

Сделав свирепое лицо, Серафима принялась энергично жевать сосиску, готовясь перейти в атаку, но дядька, видимо, почувствовав, что пахнет жареным, неожиданно встал, суетливо собрал тарелки и смотался.

Ну то-то же!

Эпизод забылся уже к вечеру, и каково же было ее удивление, когда, случайно глянув в окно в самом конце рабочего дня, она увидела маячащую у входа фигуру давешнего дядьки. Это еще что за дела! Не помня себя, Серафима вылетела наружу и ринулась к маньяку с единой целью — врезать ему между глаз, чтобы не смел к ней приставать.

Дядька в самом деле струхнул, когда она, как фурия, рванула к нему, даже отскочил вбок, но тут же спохватился и шагнул ей навстречу.

— Постой. Прости, если напугал. Я не хотел.

Напугал? Это еще кто кого напугал! Серафима изо всех сил выпучила глаза и замахнулась тряпкой, которую держала в руке.

— А ну вали отсюда, маньячина облуленный!

Почему маньячина был облуленным, она сама не поняла, но дядька почему-то вдруг прыснул, закрыв рот ладонью.

Вот те раз! Чего это он ржет?

— Вали, говорю! Нечего тут! — гаркнула она и сделала устрашающее лицо: сдвинула брови и оскалилась.

Неизвестно почему, но дядька и не думал валить. Продолжая закрывать рот рукой, он хихикнул громче и вдруг раскланялся перед ней.

— Мне, наверное, следует представиться — Константин Геннадьевич Верстовский, парфюмер.

Серафима опешила. Ни разу не слышала, чтобы маньяки представлялись своей жертве, да еще парфюмерами назывались. Или парфюмер — это кличка в преступном мире? А может, дядька вроде того, что в кино показывали? Ну который девушек нюхал, а потом убивал?

Увидев, что Серафима растерялась, дядька сделал шагок навстречу.

— Слушай, извини меня за странное поведение и некоторую... навязчивость. Я просто отвык знакомиться, можно сказать, на улице, тем более с особами твоего возраста. Но очень хотелось.

Знакомиться собрался? Ах ты, старый хрен! Сейчас она пошлет его по месту прописки!

И тут дядька, видимо, по лицу разгадав ее намерения, поспешно сказал:

— Не торопись колотить по роже! Никаких дурных мыслей нет! Ты заинтересовала меня там, в столовой, но вовсе не по той причине, о которой подумала. Я готов объяснить. Только отойдем немного в сторону. А лучше... вон, на дру-

гой стороне забегаловка. Там вкусные беляши жарят.

Верстовский беляшами не питался, но был уверен, что девице это блюдо по вкусу. И не ошибся.

Серафима оглянулась на магазин. В окне маячила приходящая к концу дня уборщица. Вряд ли услышит, даже если крикнуть. Хотя в кафешке дядька не решится приставать, не идиот же он. На всякий случай она посмотрела на него повнимательнее. Не первой молодости, мягко говоря. Лет пятьдесят, а то и больше. Плешивый, но аккуратненький такой, даже приятный. Глаза под очками прячет, но видно, что не дурак. И говорит интеллигентно. Хотя кто их, маньяков, разберет! Те тоже интеллигентными бывают. Сначала наплетут с три короба, а только уши развесить...

Дядька отошел от крыльца. Нехотя Серафима шагнула за ним.

В кафе были заняты почти все столики, и она немного приободрилась. Если что, будет взывать к народу.

Они приткнулись в конце зала почти у двери. Подошла официантка, дядька попросил два беляша и по стакану кофе.

Мог бы и побольше заказать. После пустой и невкусной столовской еды у нее давно подсасывало под ложечкой.

— Как я уже сказал, — начал дядька, — я парфюмер. Готовлю эфирные масла, экстракты, мыло делаю. Сотрудничаю с лучшими косметическими

салонами Петербурга. Мой бизнес легален, более того, я один из немногих в России профессионалов. В парфюмерии, имею в виду.

Серафима глядела во все глаза. Чего это он ей впаривает? Ну ладно, вари свое мыло. Я-то тут при чем?

— Я живу за городом, — продолжал дядька, не обращая внимания на ее недоуменный вид. — У меня частный дом и участок. Там я выращиваю растения, которые потом использую в работе.

Серафиме надоела эта непонятная то ли исповедь, то ли попытка навешать лапшу на уши.

— Короче, дяденька! Чего вам от меня-то надо?

— Я давно ищу помощницу. Один со всем не справляюсь. Хотел предложить тебе работу.

— У меня уже есть.

— Не спеши отказываться. Ведь я что предлагаю? Постоянное бесплатное жилье, опять же бесплатное питание и приятную работу. Ты в цветочном работаешь, значит, азы растениеводства тебе известны.

Ишь ты, как выразился — азы растениеводства!

Вернулась официантка с огромными, исходящими паром беляшами и кофе в граненых стаканах.

Серафима осторожно отхлебнула. Вкусный кофе, а все потому, что сахару не жалеют.

— Положим. Только это ничего не значит. Мало ли кто мне работу предлагает...

— Но я же не только это. Посуди сама. Еще жилье комфортное и питание хорошее.

Серафима вдруг насторожилась. А с чего он взял, что у нее нет комфортного жилья и хорошего питания?

— Вы следили за мной?

Дядька ни капельки не смутился, только плечами пожал. Вроде как — ну и что тут такого?

— Каюсь, поспрашивал немного у женщины в магазине. Должен же был понять, с кем имею дело. Нормальная ты или нет. Ваша уборщица сказала...

— Что именно? — уточнила Серафима, по-прежнему глядя недружелюбно и подозрительно.

— Да ничего особенного. Только то, что живешь в конуре и денег у тебя нет. Эта информация меня вдохновила, и я подумал, что мы можем быть друг другу полезны.

Интересно, что именно его вдохновило? То, что живет она в конуре? А, впрочем, чего кочевряжиться? Ведь так и есть. В голоде и в холоде жизнь ее прошла, скажут потом.

Она посмотрела на беляш, но взять не решилась.

— Ну что? Согласна? — спросил дяденька и глянул, как ей показалось, с надеждой.

Серафима замялась. Предлагает работать за крышу над головой и еду. Вообще-то, в ее нынешнем положении это вроде как неплохо. Только ей еще и одеваться надо. Гардеробчик, полученный в

подарок от сменщицы, давно обветшал. Зарплаты в цветочном еле хватало на жилье. В конце месяца вообще приходилось голодать дня по три-четыре. Правда, она сама была виновата. Когда получала зарплату, в первые дни питалась в кафе. Дома приходилось есть всухомятку: плитка у хозяйки сломана, а на новую, понятно, не было средств. А в кафе можно было не только супу поесть, но и салатик какой-нибудь овощной. А то от скудного питания уже волосы стали выпадать, а без волос ей никак нельзя. Кто возьмет замуж лысую? В кафе, правда, тоже готовили так себе, да деньги и заканчивались быстрее, чем на сырых сосисках с хлебом. Но без одежды все равно никак нельзя, хоть тресни. Спросить что ли?

Серафима с сомнением поглядела на дядьку.

— Согласна за жилье, трехразовое питание и минималку сверху! — стараясь придать голосу максимальную твердость, заявила она.

Дядька приподнял брови.

— А какая у нас нынче минималка?

Серафима сказала.

— Ну... такую сумму я еще потяну, только на премию не рассчитывай.

Еще и премии предполагались? На это претендовать она и не собиралась. А он — как там его? Верстовский? — видать, не слишком щедрый. Ну да ведь ей не замуж за него идти!

— Ну а о том, чтобы поучиться чему-нибудь, ты не думала? — неожиданно спросил он.

— Думала... а... чему?

— Я же сказал тебе, что парфюмер. Ты хоть слово такое слышала?

Серафима оскорбилась. Он еще и душой ее считает?

Верстовский растолковал выражение ее физиономии по-своему и вздохнул.

— Вижу, что ты патологически не приучена к добыванию знаний.

Серафима оскорбилась окончательно и решила не давать себя в обиду всяким дядькам.

— Еще как приучена! Просто люблю на практике все узнавать. По книжкам тоже интересно, но долго. А в деле все легко усваивается.

— Короче, ты — не теоретик.

— Ни разу, — призналась Серафима, наконец откусила от беляша и стала смачно жевать.

Верстовский посмотрел на нее изучающе и, помолчав, сказал:

— Раз уж ты такая крутая, что хватаешь все на лету и грызть гранит науки тебе ни к чему, попробуй помогать мне в лаборатории.

— А чего я буду делать?

— Сначала просто смотреть.

— Просто смотреть скучно.

— Все-то тебе скучно! Сразу видно, что в школе не училась, а только родителей мучила и учителей изводила.

Серафима сразу вспомнила «Сидорову козу» и набычилась.

— А вам какое дело, как я училась?

— А такое, что я тоже хочу тебя кое-чему научить.

— За растениями ухаживать я получше вашего умею.

— Не велико умение.

— Да?! — взвилась Серафима и вздернула короткий нос. — А вот увидим, у кого лучше расти станет! Да у меня сухие прутья приживались и цветы начинали. Да у меня...

— Хватит вопить, — поморщился Верстовский. — Я о другом говорю. Хочу обучить тебя парфюмерному искусству.

Серафима выпучила глаза.

— Искусству?

— Ну, если не искусству, то пока просто умению распознавать ароматы и составлять из них оль... композиции.

— А мне зачем? Я и так любой запах могу распознать.

— Предположим, не любой, а только самые простые. А парфюм — это сочетание сложных запахов. Иногда в одном флаконе более десяти разных ароматов, и не все унюхаешь сразу.

— А... ну это мне известно. Я вообще люблю в парфюмерный отдел в универмаге ходить. Понюхаю духи и угадываю: что такое туда напихали.

— Ну и как? Получается?

— А вот и получается!

Серафима выпрямилась и посмотрела высокомерно. Верстовский еле удержался, чтобы не расхохотаться — настолько самоуверенный был у нее вид.

— Тогда расскажи состав духов нашей официантки. Ты ведь почувствовала?

— Ой, да чего там рассказывать! Простенькие духи.

Верстовский откинулся на спинку стула.

— Слушаю вас, господин «нос».

Почему он назвал ее «носом», Серафима не поняла, но задачка ее завела.

— Сначала цитрусовые. Лимон или лайм. Еще — ревень.

— Ну это слышно сразу. А за цитрусовыми?

Серафима вспомнила: когда девушка подходила к их столику во второй раз, она пахла иначе. Первичный запах духов выветрился, зато раскрылся новый аромат, который не перебивался даже смачным духом беляшей.

— Цветы. Фрезия, кажется, и роза.

Верстовскому стало так интересно, что он выпрямился и наклонился к собеседнице.

— Больше ничего?

Серафима закрыла глаза. Знакомый аромат. Очень знакомый... Напоминает о пасхе, которую мама делала из творога в Чистый четверг. И тут Серафима покраснела. С чего вдруг она не сразу распознала простую ваниль? Волнуется? Нервничает?

— Ваниль! — вскричала она торопливо. — Ну и что-то еще... не знаю, как называется.

— Белый мускус.

— А какой еще бывает? — тут же спросила она.

— Черный. Природный. Из яи... Об этом позже поговорим. А духи у официантки известного бренда. Реплика, конечно, но довольно точная. И, кстати, там они оба: и лимон, и лайм. Это не одно и то же.

Дяденька смотрел как-то странно. То ли с удивлением, то ли с недоумением. Серафима решила, что экзамен провалила, в ученицы ее не возьмут и прикинула, хватит ли денег расплатиться за свою порцию. Зря она беляш слопала. Он с мясом, а потому дорогой. Без него наверняка хватило бы, а так...

Однако прощаться с ней новый знакомый не спешил. Постукивая по столу ладонью, дядька думал о чем-то своем и вдруг сказал так громко, что двое мужиков за соседним столом даже обернулись:

— Даю два дня на сборы, а потом переезжаешь ко мне!

Серафима проглотила кусок и от неожиданности икнула. Чего ей два дня делать! Собраться — только подпоясаться. Она, как в школе, подняла руку.

— А можно я сегодня перееду?

Верстовский не ожидал, что переговоры пройдут так легко, поэтому только улыбнулся.

— Можно.

— Тогда я быстренько пописать сбегая, а вы пока напишите на салфетке свой адрес.

Серафима выскочила из-за стола и мухой полетела в туалет.

Верстовский посмотрел ей вслед. Проста, как три рубля, а ольфакторную пирамиду разложила с ходу. Даже шлейф с белым мускусом учуяла. Бывает же такое! Просто жемчужина, найденная в навозе. Угадал он. Хотя девчонка, сразу видно, с характером. Гонору слишком много. С одной стороны, в их деле без характера нельзя никак, а с другой — не было бы проблем в дальнейшем.

Он думал еще целую минуту, записывая на салфетке адрес, а потом решил, что все равно рискнет. Уж больно удивительный экземпляр попался.

Давно не встречал такой природный дар.

УЧЕНИЦА ЧАРОДЕЯ

Дом дядьки Верстовского оказался далеко не развалиной, как боялась Серафима. Не очень современный — с виду просто кирпичная коробка, — но большой. Внутри тоже довольно просторно, но больше от того, что мебели мало. «Ну и отлично, — подумала Серафима. — Меньше мебели, меньше пыли. Не придется ежедневно тряпкой махать!» Однако очень быстро выяснилось, что уборкой ей заниматься не придется: раз в неделю приходит пожилая женщина — приезжает на маршрутке из поселка неподалеку. Она же в другой день готовит еду, складывает в контейнеры и запикивает в холодильник. Сначала Серафима брать из холодильника стеснялась и по привычке питалась всухомятку. В конце концов, Верстовский заметил и сердито выговорил ей, что из-за нее пропадает уйма еды. Серафима обрадовалась, начала нормально питаться и понемногу почувствовала себя свободнее.

Хорошему настроению способствовало и то, что ей отвели очень милую комнату, выходящую

на южную сторону. Из мебели были кровать, стол и стул, а вместо шкафа — стойка из трех металлических трубок наподобие ворот, на которой болтались пластмассовые вешалки. Ну и пусть. Все равно вешать в шкаф особо нечего. Вместо занавесок тоже было что-то непонятное, смотанное рулоном. Однако выяснилось, что это чудо называется «римские шторы», и пользоваться ими довольно удобно. Хотя с тюльчиком жильё выглядело бы уютней.

Очень скоро определились и обязанности. Весь, мягко говоря, немаленький участок вокруг дома Верстовский отвел под сад-огород, который был засажен разными травами, цветами и кустиками. Росли и можжевельники, и хвойные породы. Большинство из растений были Серафиме знакомы. Кое-что произрастало в трех больших теплицах. Одна была заполнена цитрусовыми — аж слезы выступили, таким ярким и сильным был аромат. В другой полыхали буйными цветами тропические растения, которые она живьем впервые видела. Третья представляла собой нечто вроде аптекарского огорода и пахла лекарствами.

Все это богатство отныне стало ее епархией: полив, опрыскивание, уход, подкормка. Верстовский часа три дотошно разъяснял Серафиме ее обязанности. Но слушала она вполуха. Дела знакомые и привычные. Не напортачит.

Она даже ждать не стала, пока перетащит в новое жильё все свои пожитки. Надела перчатки и

сразу принялась за дело. Всегда приятно повозиться в земле.

Единственным камнем преткновения стал Барбос. Сразу не заявила, что не одна, а с собакой, и когда выяснилось, сделка чуть было не сорвалась. Узнав о собаке, Верстовский так вытаращил глаза, что Серафима напугалась — не выпали бы. Убедить хозяина, что пес будет себя вести ниже травы тише воды, представлялось совершенно невозможным.

— У нас все пропахнет псиной! — бушевал Константин Геннадьевич. — Ты не в курсе, что растения впитывают запахи, особенно такие резкие? А если твой Барбос решит поваляться на травке? Цветы сгрызет? Ты меня по мирупустишь!

На уговоры и клятвенные заверения ушел целый день. Серафима уж и слезу пустила, и на обещания не поскупилась. Пару раз дошло даже до шантажа. В конце концов, пес был допущен жить в пристройке в заднем углу двора. Серафиме, да и Барбосу, привыкшему валяться в ногах хозяйки, это не нравилось, но оба надеялись, что строгий дяденька сменит гнев на милость и рано или поздно все уладится. «А пока лето, — размышлял Барбос, — отчего же не пожить на свежем воздухе, тем более что питание стало гораздо лучше». Раньше приходилось есть то, что могла купить хозяйка. Прямо скажем, не слишком сытно. В новом доме готовили больше и вкуснее, а костей оставалось настолько много, что кое-что удавалось запасти впрок. Зарыть у забора.

Освоившись, Барбос даже научился гулять по участку незамеченным. Он выстроил грамотную логистическую схему и умудрялся прохаживаться там, где сердитый дядька не мог его увидеть. Как высокоинтеллектуальное существо, Барбос понимал, что собаку выдают запах и весьма заметные у пса такого размера кучки, поэтому по нужде приспособился ходить в недалекий лесок. Во-первых, под ногами у неприветливого дядьки не болтался, а во-вторых, хотелось иногда побегать на просторе. Тут-то не больно поваляешься и покатаешься.

Серафима тоже прижилась в доме Верстовского быстро. Точнее, она даже не заметила: был период акклиматизации, о котором предупреждал Константин Геннадьевич, или не был. Она просто ушла с головой в любимое занятие, ни на что не обращая внимания.

Да и обращать было особо не на что. Дяденька Верстовский жил довольно замкнуто, с соседями дружбы не водил, большей частью торчал в своей лаборатории в самом дальнем помещении дома и варил зелья. Несколько раз Серафима к нему заглядывала. Пахло в полутемной комнате с маленьким окном сбоку то упоительно, то противно и резко. Особенно когда хозяин начинал варить мыло. Ей было любопытно, она принюхивалась, пытаясь определить состав вещества, которое он изготавливал в данный момент. Константин Геннадьевич не гнал, а, наоборот, как будто привечал ее. Во всяком случае, глядел с одобрением. Спра-

шивать Серафима стеснялась, но смотрела и слушала очень внимательно.

Когда она приходила, Верстовский вслух начинал комментировать свои действия, словно специально для того, чтобы заинтересовать ее всякими парфюмерными штучками.

Серафима услышала много загадочных слов: эфирные масла, дистилляция, экстракция, эссенции. Или, например, пугающе звучащее и напоминающее о чем-то очень едком и химическом — «альдегидь». Когда ей дали их понюхать в концентрированном виде, она поморщилась, почуввав запах прогорклого сливочного масла. На проверку эти самые альдегиды оказались симпатичными веществами, создающими в аромате фруктовые и цветочные оттенки, разумеется, если разбавить в нужной консистенции.

И это было лишь начало. Дальше в ход пошла тяжелая артиллерия. Самые главные части парфюма, как выяснилось, имели жуткое в своей противности происхождение.

Например, мускус. Слово звучало аппетитно, потому что было похоже на «мусс». Оказалось, мускус добывается из желез оленя кабарги и имеет до невозможности душливый аммиачный запах.

Вещество по названию «кастореум», которое представлялось Серафиме чем-то вроде касторки, добывалось из тех же самых желез, только бобра.

Но самой мерзкой оказалась «амбра», так созвучная с «амброзией». Выяснилось, что она является

продуктом метаболизма, который происходит в пищеварительном тракте кашалота!

Это что же такое делается!

После кашалота Серафима решила, что больше никогда в жизни не будет пользоваться духами. Правда, Верстовский, выслушав ее отчаянную клятву, несколько утешил, объяснив, что парфюмеры давно пользуются синтетическими аналогами этих компонентов, а кашалоты, олени и прочие кошки семейства хорей находятся под охраной. Но Серафима не купилась. Константин Геннадьевич сам говорил, что в очень дорогих винтажных ароматах... эти... самые... все равно используются.

Пережив культурный шок по поводу амбры и мускуса, она решила, что вряд ли ее можно испугать еще чем-нибудь.

Оказалось, можно.

Настоящий кошмар начался, когда Верстовский принялся сыпать химическими формулами. Он произносил их с упоением и восторгом, как стихи, а Серафима сразу начинала искать повод улизнуть.

Она-то думала, что парфюмеры просто смешивают в колбах всевозможные дивно пахнущие экстракты, абсолюты и синтетические ингредиенты, но оказалось — сначала надо выучить их химический состав! С ужасом, близким к отчаянию, Серафима узнала, например, что любимый ею бергамот — вовсе не бергамот, а лимонен, линалил-ацетат, линалоол и еще штук восемь жутких слов, вместе взятых.

Кто тот умник, который разложил этот несчастный бергамот на составляющие! Подайте его сюда!

А ведь из всего этого бедняге парфюмеру приходится создавать композиции, которые Верстовский называл «ольфакторными пирамидами». Оказывается, каждый аромат — ольфакторная, будь она неладна, пирамида!

Правда, при ближайшем рассмотрении эти пирамиды оказалась не страшнее египетских. Любая парфюмерная композиция состоит, как аккорд в музыке, из трех нот. Верхняя — первое впечатление. Она быстро выветривается. Сердечная нота — основное содержание. Она звучит пару часов. И, наконец, базовая, которая держится до суток и состоит из самых стойких запахов. Ее еще «шлейфом» называют.

И всего делов! Можно было бы и не придумывать никакой сложной фигни. А то — ольфакторная! пирамида!

Видя, что Серафима заинтересовалась каким-то парфюмом, Верстовский наносил его на специальную полоску бумаги со странным названием «блоттер» и давал нюхать, но не просто для удовольствия, а просил назвать состав. Серафима то угадывала, то нет. Верстовский улыбался, морщился, но постепенно торчать в лаборатории вошло у нее в привычку.

Серафима не вралась, когда говорила Верстовскому, что ей нравилось в качестве развлечения заявиться в парфюмерный отдел, вынуть из ста-

канчика длинную пористую бумажку, напрыскать на нее из самых дорогих флаконов, с умным видом поднести к носу и с понтом делать вид, что выбирает духи. Ну, вроде как эти ей подходят, а эти — нет.

Теперь стало ясно, что блоттер все же не дает четкого представления о запахе. На нем слышно лишь верхнюю ноту. Надо нанести парфюм на запястье, минут десять подефилитировать по магазину, а уж потом нюхать. Ведь на бумаге и на коже духи пахнут по-разному. Уф!

— Аромат духов, — разглагольствовал Верстовский, — не должен чувствоваться дальше расстояния вытянутой руки. Все остальное — пошлость! Кроме того, запомни: запах движется снизу вверх, поэтому, если носить его только за ушами, он улетучится быстрее.

Это Серафима усвоила сразу. Теперь будет знать, где прыскать! Жаль только — не для кого.

А по ночам ей снились ольфакторные пирамиды, среди которых разгуливал Верстовский и хихикал, глядя, как она мечется в поисках выхода. Серафиму эти сны ужасно злили, ведь получалось, что с ролью ученицы чародея она не справляется.

Ну, сны снами, а хорошо было уже то, что за несколько месяцев, проведенных у Верстовского, она почти выкинула из головы Дениса и его дружок-риелторов. Хотя душа болела. Как же так случилось, что она не смогла уберечь родительскую хату? Неужели это окончательно? Верить в самое

плохое все же не хотелось, но как вытребовать свой дом обратно, она придумать не могла.

Что касается Верстовского, то поначалу он все же вызывал некоторую тревогу. Не раз и не два она принималась ругать себя последними словами за то, что вот так, запросто согласилась переехать к совершенно незнакомому дядьке. Терзаясь сомнениями, попыталась выведать о нем хоть малость у приходящей тетеньки. Та только плечами пожала. Ничего, мол, не знаю, деньги платит исправно, хотя и не очень много, не ругается, не пристаёт, с разговорами не лезет. И вообще нанял ее через объявление в газете. Она откликнулась, пришла, сговорились и разошлись. Все.

На саму Серафиму тетенька смотрела неодобрительно, если сказать мягко. Видно, подозревала, что молодая деваха приклеилась к старику неспроста. Сейчас ведь такое сплошь и рядом встречается. Будет мурлыкать и пузико деду чесать, пока не загонит старинушку в могилу, а потом все имущество заграбастает и уж тогда развернется во всю ширь.

Серафима ее не разубеждала. Да и как, если со стороны все так и выглядело? Только старалась поменьше с сердитой тетенькой пересекаться, а то после ее косых взглядов начинало чесаться между лопатками или икота нападала.

Конечно, можно было поискать информацию о Верстовском в Интернете, но залезать в компьютер хозяина, чтобы раздобыть сведения о нем же

самом, Серафима считала неприличным, а своего не имелось. Да что компьютера! Даже телефон у нее был кнопочный и абсолютно допотопный. Хороший остался дома. У Дениса.

В конце концов, Серафима решила, что постепенно узнает Верстовского получше, ведь они общаются каждый день. Ну а то, что никаких развратных помыслов у него не имеется, она догадалась довольно скоро. Причем не только в силу почтенного возраста, который, с точки зрения Серафимы, давно поставил крест на сексуальных забавах. Буквально через месяц совместного проживания стало ясно, что как женщина она котируется у него где-то между гужевой лошады и серой полевой мышью. Серафима решила, что это к лучшему, и на сей счет совершенно успокоилась.

Поначалу все, о чем говорил Верстовский, было для нее сложным и непривычным, однако, когда год перевалил через зиму и стал потихоньку приближаться к весне, она заметила, что на фоне прибавляющихся в голове знаний стала лучше распознавать ароматы, различая, например, лимон и кожуру лимона или разные виды мхов.

Если и не получится из нее ученицы чародея, то уж, во всяком случае, в жизни тонкий нюх пригодится всегда!

Постепенно Верстовский учил ее азам своей профессии, и, похоже, кое-что начинало, как он сам говорил, «вырисовываться». Он был неплохим педагогом — раздражительным, нетерпеливым, но,